

Иван Кондурушкин: "Я старый революционер и привык к прямоте и откровенности"

Чем больше знакомишься с историей Самары времен революции и гражданской войны, тем больше убеждаешься, как много неординарных людей жило в нашем городе, играя далеко не последнюю роль в событиях тех лет. При этом, их деятельность далеко не ограничивалась губернским масштабом. И тем обиднее, что многие из них за давностью лет оказались забытыми. Причем, такая избирательная «забывчивость» коснулась не только тех, кто был врагами советской власти, но и активных борцов за нее, деятельных революционеров. Видимо, были причины к тому, чтобы возвеличивать лишь отдельные персоны, игнорируя других, роль которых в революционной борьбе зачастую была не меньшей, но они чем-либо оказались неудобными для народного почитания. Из такой плеяды «неудобных революционеров» был и наш земляк Иван Семенович Кондрушкин.

И.С. Кондурушкин

Он родился 10 сентября 1882 года в селе Липовка Самарского уезда (сейчас это Хворостянский район) в семье крестьян-батраков. В 15 лет Иван ушел из дома, начав самостоятельную

жизнь. Работал пастухом и кровельщиком, торговал книгами вразнос. Окончил учительский институт в Феодосии. В 1902 г. вступил в Партию социалистов-революционеров, участвовал в экспроприациях и боевых актах в Феодосии: как член боевой организации эсеров покушался на генерал-губернатора в Феодосии и "экспроприировал" 600 револьверов с таможенного склада. Участвовал в Первой русской революции, подвергался непродолжительным арестам. После 1907 года он жил в Самаре, с 1910 занимал должность преподавателя в 1-м городском 6-ти классном училище, которое в 1912 стало 1-м Высшим начальным училищем. Это училище находилось на ул. Вознесенской, 59 (сейчас здесь, на улице Степана Разина, 49, находится школа № 63).

Здание бывшего 1-го Высшего начального училища на улице Вознесенской (сейчас - ул. Степана Разина)

Проживал И.С. Кондурушкин по разным адресам: в 1911 – на Соборной, 158, в 1912 – на Заводской, 13, в 1913 – на Шихобаловской, 78, в 1914 – на Шихобаловской, 21, в 1915 – на

Один из адресов И. Кондурушкина в Самаре: бывшая ул. Заводская, 13 (сейчас - ул. Венцека, 15)

В январе 1915 г. Иван Кондурушкин был призван в армию и зачислен в 102-й запасной пехотный батальон, с 20 августа учился во 2-й Петергофской школе прапорщиков, 7 октября был произведен в младшие унтер-офицеры, а 15 ноября – в прапорщики. С 29 ноября 1915 продолжил службу в 102-м пехотном батальоне. В марте 1916 временно исполнял обязанности начальника хозяйственной части батальона. 9 апреля 1916 батальон был переформирован в 102 пехотный запасной полк, в котором Кондурушкин стал младшим офицером 15 роты с исполнением обязанностей зав. оружием, затем заведовал сапожной мастерской, солдатской лавкой, был казначеем полка. 6 декабря 1916 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны». 1 марта 1917 г. был избран председателем полкового комитета,

который разместился в Шаховских казармах, и с вступлением в должность сдал солдатскую лавку, заведывание оружием и сапожную мастерскую.

Здесь, в Самаре начался путь Ивана Кондурушкина в революцию 1917 года. Он избирается в Совет военных депутатов (позднее - Совет рабочих и солдатских депутатов), в своих выступлениях требуя усиления дисциплины и поднятия авторитета начальников в войсках, видя врагов порядка в большевиках, которые вели в армии антивоенную пропаганду. Так, на заседании Совета 14(27) мая 1917 он довольно резко обрушился на большевичку Дерябину, назвав совершенный ей объезд войсковых частей «медвежьей услугой». За это выступление Кондурушкину попытались выразить недоверие как председателю полкового комитета, но безуспешно.

24 июля 1917 года по распоряжению начальника 31-й запасной бригады его переводят в действующую армию в 7-й запасной полк на Румынском фронте. Здесь 4 декабря 1917 он избирается командующим 4-й армией, но уже 10 декабря был арестован румынскими властями и до мая 1918 находился в тюрьме. С 23 июля 1918 он уже член штаба Донского фронта, где вместе с Рудольфом Сиверсом, Василием Киквидзе и Анатолием Железняковым воевал с казаками атамана П.Н. Краснова, в августе 1918 был командирован в качестве помощника начальника по мобилизации Еланского района, в бою получил контузию. Вернулся в Самару в ноябре 1918 года, избран членом культурно-агитационной комиссии горкома РКП(б), в 1919 - начальник политотдела 4-й армии. К этому периоду относится и письмо И. Кондурушкина, опубликованное в «Коммуне» 7 марта 1919 года. В нем он сам рассказывает о своей эволюции как революционера и причинах, побудивших его встать в ряды большевистской партии. Что подтолкнуло его на написание письма, неизвестно. Но, скорее всего, написал его Иван Семенович неспроста.

Письмо в редакцию

Тов. Редактор!

Разрешите через посредство вашей газеты покончить раз навсегда с одним болезненным для меня вопросом.

В начале 1917 года, после Февральской революции, я, будучи членом Самарского Совета Раб. и Солдатских депутатов, выступал на собраниях, как противник партии коммунистов. Все эти выступления делал я от себя не будучи в Самаре связан ни с одной из партий.

До переезда в Самару, когда я оторвался от партии, я состоял с 1904 года в партии социалистов-революционеров, примыкая к крылу, проповедывавшему и проводившему террор.

Работал, как таковой, на юге в Феодосии, Керчи и Одессе. Здесь мне нет надобности говорить ни о своих действиях, как революционера, ни о карах меня постигавших.

Важно лишь то, что после Февральской революции, я не понял исторического хода, и свершил преступление, присущее почти всей интеллигенции, т.е. вышел на борьбу с большевизмом, не понимая его психологии.

Делал это я прямо и резко, как и все, что я делал в жизни. Попавши в августе 1917 года на фронт, я увидел, что значит та дисциплина, против разрушения которой я боролся в тылу.

На Румынском фронте, куда я попал, я увидел злобную реакцию в лице моих злейших врагов- офицерства, и я, сам будучи офицером, вступил с ними в борьбу. Чувствуя невозможность действовать в одиночку, я вошел в партию соц.-революционеров в полку, но увидевши в ней большинство тех же офицеров, вышел в сентябре из партии и примкнул к группе левых соц.-революц., от имени которых я вел борьбу за все время революции на Румынском фронте. Начиная с сентября, весь октябрь, и до 10 декабря, до дня своего ареста, я работал бок-о-бок с коммунистами, ни в чем с ними не расходясь. Опять-таки нет надобности говорить о том, что мной сделано на Румынском фронте в дни революции.

Работа моя была недолга. После того, как на Чрезвычайном Армейском съезде 4-й Армии Рум. фр., я был избран командующим армией, 4 декабря 1917 года, уже 10 декабря я был арестован по распоряжению Щербачева и Петлюры, которыми был приговорен к

расстрелу. Румынское правительство не выдало меня, и держало в заключении, как заложника. 14 мая я оказался на свободе.

Когда я явился в Москву и здесь увидел тактику левых социал-революц., я понял невозможность дальнейшей с ними работы, о чем и сделал 5 июня 1918 года официальное заявление в ЦК соц.-революц.

И хотя многие из ответственных партийных работников-коммунистов принимали на себя поручительство за меня для вступления в партию, я не считал себя вправе это сделать, полагая, что для перехода из одной партии в другую нужен период, чтобы пережить психологический перелом. Об этом мной и заявлено 5 же июня в ЦК партии коммунистов, секретарю партии. Не вошедши в партию, я в то же время признавал свою дальнейшую работу лишь только совместно с коммунистами. Очевидно, так думал ЦК партии, от которого я, не скрывавший и там своих прошлых убеждений, получил рекомендацию. В Казани, не будучи еще членом партии, я работал в партийном органе Казанского Губ. Комитета. После лево-эсеровск. выступления в Москве 5 июля 1918 г. я понял дальнейшую невозможность сохранить и тень связи с партией, с которой во мне уже не осталось ничего общего, и 6 июля подал в Комитет заявление о своём желании вступить в партию коммунистов, куда и был принят 15 июля 1918 г. С 25 июля по вызову Центра я работал на Донском фронте. И только 30 ноября 1918 года, оправившись от болезни, я с разрешения центра мог опять явиться в Самару. Я не боялся явиться в Самару, где многие знали мои прежние убеждения. Я считал, что достаточно искупил их за эти 1,5 года, чтобы бояться встречи со своими прежними противниками, тем более, что большинство из моих теперешних товарищей по партии знали от части роль, какую я играл на Рум. фр., во время октябрьской революции. Должен с радостью отметить, что все ответственные работники, когда то бывшие моими противниками, приняли меня теперь, как товарища искренно веря в мое перерождение.

Тем более поверили этому мои бывшие единомышленники, знавшие мою прямолинейность, поняли, что уже ушел от них навсегда.

Но, однако, оказывается имеется еще и теперь часть товарищей, в которой, то по слухам, то по личным воспоминаниям всплывает ко мне, к моим настоящим убеждениям, недоверие. Не допускают ли эти т.т. вообще перемены убеждения, считают ли они этот год, как самый обыкновенный год, слишком коротким промежутком для такой перемены, - факт тот, что время от времени вокруг моего имени начинают ходить слухи, разговоры, создающие атмосферу недоверия.

Чем ее можно рассеять?

Может быть, все бы поверили, когда меня повели в тюрьму в Румынии, где я больше 4-х месяцев каждый день ждал смерти, не прося в то же время пощады и не отказываясь от своих убеждений. А ведь мне 2 раза делали и от военного министерства Румынии и от генерала Щербачева предложение перейти на их сторону.

Может быть, поверили бы тогда, когда бы меня расстреляли казаки, у которых я был под арестом 2 недели, 2 раза был судим Военно-Полевым судом?

Чувствую необходимость покончить с этим раз навсегда.

Ведь не хватит же у меня сил в каждом отдельном случае, когда тот или иной товарищ, на правах члена партии, смотрит на меня с недоверием, - рассказывать ему все, что я пережил за этот год, прежде чем перешел в партию коммунистов.

Нужно с этим покончить, товарищи!

Если кто либо имеет против меня порочащие факты, могущие доказать недопустимость моего пребывания в партии, недопустимость работы, которую мне поручают, пусть тот не шепчется за углом, а прямо и честно скажет путем печати «Я не доверяю Кондурушкину и вот, для этого основания: вот доказательства, что этот человек бесчестный, способный на предательство и измену. Вот вам факты из его жизни, из его прошлого». Эту перчатку я смело подниму, и мы посмотрим, кто в этом открытом бою победит. Если я и молодой коммунист, зато я старый революционер и привык к прямоте и откровенности.

Итак, товарищи, нужно сказать определенно: если ко мне есть доверие, пора кончить шушуканье, если недоверие – давайте на стол основания для этого.

Я с гордостью ношу звание коммуниста, заслуженное мной не меньшими может быть страданиями, чем я получил бы его, сидя в закутке и только числясь в партии хоть 10 лет тому назад. И с той же гордостью, выступая на собраниях, я твердо буду, исповедуя свои убеждения, говорить: «Мы – коммунисты». Я обращаюсь как к недоверяющим, так и к тем, кто хоть сколько-нибудь успел меня узнать, и уверен, что из 400-тысячной 4-й Армии, которая была поручена мне на Рум. фронте, найдутся в Самаре несколько человек, которые видели мою работу на Рум. фронте. И если недоверяющие т.т. бросят на весы против меня мои слова летом 17 года, а товарищи из 4-й Армии бросят на другую чашку весов мои дела, я имею основания утверждать, что вторая чашка перетянет.

Бывший командующий 4-й Армией Рум. фронта, а ныне Вр. заведывающий Политическим отделом 4-й Армии Вост. фронта
И. Кондурушкин

В 1920 Кондурушкина переводят в Туркестан. В марте 1920 он член обкома Компартии Туркестана (КПТ) и председатель ревтрибунала Семиреченской области, с 12 июня по июль 1920 – председатель Семиреченского обкома КПТ, в июне 1920 – начальник штаба группы войск Туркестанского фронта, направленной на подавление мятежа в Верном. В декабре 1920 И.С. Кондурушкин является председателем ревтрибунала Ферганской области и членом бюро Ферганского обкома, в 1921 – председателем ревтрибунала Татарской АССР. 29 августа 1921 он становится начальником Сибирской краевой милиции. [Вступив в должность](#), он начал с объезда вверенной ему территории, в ходе которого пришел к неутешительному выводу, что «милиция Сибири, особенно уголовный розыск — это опасная банда, а не охрана Республики, разложившаяся морально и экономически». И Кондурушкин повел борьбу с таким положением. Верный своему кредо, он «делал это прямо и резко, как и все, что делал в жизни». На него посыпались доносы, и власти Сибири поспешили избавиться от такого неудобного человека, поэтому в феврале

1922 он был отстранен от должности Сибкомиссией по чистке партии с запретом занимать руководящие должности. В 1923-1928 гг. И. Кондурушкин - младший помощник прокурора Верховного суда СССР, написал книги «Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918 - 1926 гг.». М., Л.: Госиздат, 1927 и «Хозяйственно-экономические судебные процессы периода НЭПа. Обвинительные речи», М.-Л. ГИЗ, 1930г. С января 1929 г. был откомандирован в распоряжение Наркомата торговли СССР. С декабря 1923 - сторонник «левой оппозиции», получал выговоры в декабре 1923, 1924, 1933 и 1935, в 1924 исключен из партии, восстановлен ЦКК, в 1935 снова исключен и вновь восстановлен КПК при ЦК. В 30-е годы находился на пенсии, в 1938 был репрессирован и погиб при неизвестных до сих пор обстоятельствах.

<https://a-malyavin.livejournal.com/88543.html?ysclid=ma0vu12pr656112345>